

Со временем именно панславизм становится для него основным источником вдохновения. Это ощущалось уже в 1867 г во время проведения в Москве этнографической выставки, послужившей поводом для организации Славянского съезда, поскольку её посетили многие учёные и общественные деятели, представлявшие народы Австро-Венгрии и Балкан. В 1870-е гг. Аксаков вёл обширную переписку, путешествовал по славянским землям, хорошо знал существовавшие там проблемы и пытался, на своём уровне, их решать. Но при этом он руководствовался не только состраданием. Большое влияние на него оказали идеи тестя — Ф.И. Тютчева, считавшего, что славянский мир, объединившись, сможет спасти себя от революций, а Западную Европу — от гибели. К этому и стремился Аксаков в своей практической и публицистической деятельности, постепенно переходя от теорий славянофильского кружка к глобальным проблемам панславизма.

Максим Медоваров: Иван Аксаков как психологический и религиозный тип
Maxim Medovarov (Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia):
Ivan Aksakov as a psychological and religious type

Новая книга А.А. Тесли — уже пятая монография, посвящённая взглядам и деятельности И.С. Аксакова²⁸, сочинения и письма которого продолжают активно переиздаваться и в наши дни²⁹. Появляются и ценные сборники документов и воспоминаний³⁰. В своей предыдущей работе Тесля уже писал об аксаковской модели строительства «русской нации», сравнивая её с катковской и иными, детально анализировал отличия в представлениях К.С. и И.С. Аксаковых о народе, «публике», «обществе», «земле» и государстве, рассматривал «герценовскую тему» в жизни братьев³¹. Теперь им был подготовлен внушительный 800-страничный фолиант, на треть состоящий из опубликованных писем, документов и приложений, где собраны статьи о кн. П.А. Вяземском, Н.Г. Устрялове, М.П. Погодине, прот. А.М. Иванцове-Платонове и О.Ф. Миллере, а также библиографического списка. Заявив в начале, что книга «не является ни подробной биографией Ивана Аксакова, ни систематическим изложением его взглядов» (с. 3), автор создал всё же именно биографическое исследование,

²⁸ *Lukashevich S.* Ivan Aksakov, 1823–1886. A Study in Russian Thought and Politics. Cambridge, 1965; *Kutaev B.A.* Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации (И.С. Аксаков в общественном движении начала 60-х гг. XIX в.). Горький, 1974; *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России; *Фурсова Е.Б.* И.С. Аксаков: апология народности и самодержавия. М., 2006. Кроме того, различные аспекты творчества Аксакова рассматривались в 11 кандидатских диссертациях, две из которых были защищены в 2013–2014 гг. См.: *Атякшев М.В.* Идея христианской общественности в позднем славянофильстве: И.С. Аксаков, Н.Н. Страхов, П.Е. Астафьев, Л.А. Тихомиров. Дис. ... канд. филос. наук. М., 2013; *Ожерельев К.А.* Художественная картина мира в лирике К.С. Аксакова и И.С. Аксакова. Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014.

²⁹ *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1844–1849. М., 1988; *он же.* Письма к родным. 1849–1856. М., 1994; *он же.* Еврейский вопрос. М., 2001; *он же.* Отчего так нелегко живётся в России? М., 2002; Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: В 3 т. М., 2003–2004; *Аксаков И.С.* У России одна-единственная столица... М., 2006; И.С. Аксаков — Н.Н. Страхов. Переписка. Оттава, 2007; *Аксаков И.С.* Наше знамя — русская народность. М., 2008; *он же.* О державности и вере. Минск, 2010; *он же.* Избранные труды. М., 2010; *он же.* Собрание сочинений. Т. 1. Кн. 1–2. Подробнее см.: Иван Сергеевич Аксаков: биобиблиографический указатель (1836–2014). Уфа, 2014.

³⁰ Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества / Под ред. С.В. Мотина. Вып. 1–6. Уфа, 2009–2015; Иван Аксаков в воспоминаниях современников. М., 2014.

³¹ *Тесля А.А.* Первый русский национализм... и другие. М., 2014. С. 38, 50–51, 62–71, 80–99, 122–128.

построенное преимущественно в хронологическом порядке, хотя и осложнённым отдельными проблемными экскурсами. Цитируя, подчас целыми страницами, источники, он, казалось бы, даёт читателю возможность «из первых уст» услышать голос своего героя и его современников. Однако это впечатление обманчиво: на самом деле Тесля вовсе не отходит в сторону, а лишь подкрепляет собственные мысли невероятным обилием материала.

В центре внимания автора — сама личность И.С. Аксакова, его нравственный облик, человеческие отношения с близкими и дальними, с соратниками и противниками. При всей внешней разбросанности и неровности встречающихся в тексте характеристик у читателя ближе к концу монографии складывается относительно целостное представление о «живом» Аксакове — человеке с очень непростым характером, которым во многом (и даже в большей мере) и были обусловлены перенесённые им невзгоды.

О детстве Ивана Сергеевича в книге не сказано ничего — даже год его рождения неисклющённый читатель может узнать только из аннотации (с. 2), изложение же событий начинается с 1836 г. Зато воспитание и становление юного мыслителя в годы его службы рассмотрены в первой главе с потрясающей подробностью, которая, впрочем, оказывается превзойдена ещё более детальным анализом перипетий из жизни славянофильской журналистики 1850-х гг. и мучительной борьбы за издание «Русской беседы», «Дня», «Москвы» и «Москвича». При этом результаты кропотливого труда по реконструкции отношений Аксакова, Кошелёва и других славянофильских публицистов с цензурой вписываются автором в исторический контекст, позволяя увидеть в журналах пореформенной России одну из форм интеллектуальной жизни страны, отчасти заменявшую отсутствовавшие легальные политические партии (с. 119–122). «Выбор журнала, — пишет Тесля, — имел решающее значение: автор “присягал” “своему” изданию, и журналы ревниво требовали верности». И это было типично как для 1840-х, так и для 1890-х гг.

Однако И.С. Аксаков даже в «Русской беседе» не пожелал «присягать» своим ближайшим соратникам, проявив редкостное упорство. Когда же после 1860 г. он стал своего рода «душеприказчиком» скончавшихся основателей славянофильства, а затем, по словам о. Иосифа Фуделя, и последним из его «отцов» (пережив Ю.Ф. Самарина, кн. В.А. Черкасского, А.И. Кошелёва), ему пришлось самому искать сотрудников, которые «присягнули» бы знамени его собственных изданий. Отнюдь не всегда их удавалось находить в достаточном количестве, и подчас Аксаков предпочитал перепечатывать статьи умерших единомышленников, чем обзаводиться новыми. Зажатый между молотом цензуры (особенно во второй половине 1860-х гг.) и наковальней равнодушия читающей публики к славянофильским идеям, он потерпел к 1868 г. жестокое поражение как общественный деятель и был вынужден на время уйти в частную жизнь (необычная история их брака с А.Ф. Тютчевой описывается Теслей весьма подробно). Но это не мешало ему написать биографию своего великого тестя, вести арьергардные полемические бои о значении славянофильства с А.Н. Пыпиным и Э.А. Дмитриевым-Мамоновым и т.д.

Тем поразительнее на первый взгляд — и закономернее при более детальном рассмотрении — оказалось «второе дыхание», открывшееся у Аксакова в годы Восточного кризиса 1875–1878 гг. Освещающая этот период шестая глава монографии написана наиболее удачно: автор не только показал роль Аксако-

ва, а также гр. Н.П. Игнатьева и кн. В.А. Черкасского в том, что Александр II принял непростое и ответственное решение вступить в войну с Османской империей, несмотря на сопротивление почти всей правящей верхушки России, но и раскрыл особенности небывалой ранее в отечественной истории ситуации, когда ещё не окрепшее «общественное мнение» впервые попыталось давить на власть, подталкивая её к определённым действиям, а правительство, не отказываясь использовать этот фактор в своей деятельности, в то же время категорически не желало признавать Аксакова, Каткова или Гилярова-Платонова как самостоятельную силу. Власть, по словам Тесля, пыталась «воздействовать на общественное мнение, но, что характерно, не российское, а зарубежное – собственное общество как партнёр по диалогу, как правило, не рассматривается даже в ситуации, когда именно его настроения во многом диктуют государственную политику» (с. 506). В итоге Аксаков приобрёл широчайшую известность не только в России, но и за её пределами, попал в опалу, был выслан летом 1878 г. в имение, которого не имел, но довольно скоро вернулся из «ссылки». К сожалению, подробно излагая события, предшествовавшие и последовавшие за выступлением Аксакова с критикой Берлинского конгресса, Тесля совершенно не касается содержания самой речи (с. 533–539). Столь же трудно объяснить, почему он не счёл нужным привести текст цензурного предостережения «Руси», детально освещая его причины и последствия (с. 609–613).

Заключительная глава монографии, в которой говорится о времени издания газеты «Русь», по своему общественному весу приближавшейся к «Московским ведомостям», интересна проницательным и обстоятельным анализом сближения Аксакова с охранителями в 1880–1882 гг. и нового охлаждения между ними после отставки гр. Игнатьева, когда для Ивана Сергеевича оказались ближе позиции Кошелёва, а не Победоносцева и Каткова. Тесля прежде настойчиво указывал на приверженность братьев Аксаковых «либеральной доктрине» «гражданского общества», пусть и весьма своеобразно окрашенной³². Соглашаясь с Н.И. Цимбаевым и Е.А. Дудзинской, он утверждал, что «первоначально славянофилы (в 1840-х–1850-х годах) могут быть однозначно отнесены к либеральным направлениям мысли»³³. Упомянув о «сложной динамике» идейной эволюции Аксакова в 1860–1870 гг., автор полагал, что она позволяла «явственно выразить и сформулировать, избегая открытого политического конфликта, требования значительной части либеральной общественности»³⁴. При этом, судя по библиографическим спискам в обеих монографиях, Тесля так и не заметил работы В.А. Китаева, В.И. Пороха и других исследователей, признающих славянофильство частью консервативной мысли, хотя и с отдельными элементами либерализма³⁵. В «Последнем из “отцов”» автор фактически не

³² Там же. С. 92.

³³ Там же. С. 71.

³⁴ Там же. С. 71, 98.

³⁵ Подробнее о данной дискуссии см.: *Китаев В.А.* Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации...; *он же.* Славянофильство и либерализм // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 133–143; *он же.* XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород, 2008. С. 334–341, 351–352; *Порох В.И.* Общественно-политическая и литературно-издательская деятельность И.С. Аксакова в годы первой русской революционной ситуации. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1974; *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С. 8; *Цимбаев Н.И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М., 1986. С. 40–42, 117–121; *Карпи Г.* Были ли славянофилы либералами? // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 112–119.

добавил ничего нового к прежним своим рассуждениям об аксаковском понимании взаимоотношений «народа», «общества» и «государства» (с. 294–305).

Гораздо убедительнее, с учётом современных теорий истории национализма, раскрывается отношение Аксакова к польскому и украинскому «вопросам». Рассматривая религиозные убеждения Ивана Сергеевича и позиции, которые он занимал при обсуждении церковных дел, Тесля уделяет большое внимание выяснению степени благосостояния русского духовенства, увлекательно демонстрирует различия в политике обер-прокуроров Святейшего Синода (гр. А.П. Толстого, А.П. Ахматова, гр. Д.А. Толстого и К.П. Победоносцева) и проч. Вместе с тем разбросанные по всей книге свидетельства о личной религиозности Аксакова показывают свойственный ему редкий, нетипичный для русской культуры моральный ригоризм (с. 7), едва ли не протестантского типа, с пренебрежением к таинствам, обрядам, постам и «народным» проявлениям веры (с. 42–43, 382–391)³⁶. Эти черты характера заметны и в его скандальной, в сущности, неоправданно дерзкой переписке с гр. Л.А. Перовским, которого, кстати, он продолжал считать «лучшим» русским министром (с. 74–79). Любопытно, что сразу после отставки Аксаков осознал, что ему в силу его убеждений оказалось «невозможно» ни находиться на государственной службе, ни стать учёным, помещиком-хозяином или «спекулятором» (с. 74). По сути, в силу радикального нравственного ригоризма и отвращения, которое юный мыслитель питал к любой «форме», для него оказались закрыты все пути, вплоть до невинной возможности совершить кругосветное путешествие (с. 91–94). Шаг за шагом он убеждал себя в том, что вся окружавшая его Россия – это «вонючая среда» (с. 108), тем самым становясь в невыносимые отношения к внешнему миру. Неудивительно, что молодой Аксаков подчас сочувствовал скорее Герцену, чем славянофилам (с. 117–118). И когда он внезапно оказался «хранителем наследства» отца, брата, Хомякова, Киреевских, ему пришлось не без больших внутренних усилий подавить свои прежние наклонности и заставить себя обратиться в строгого приверженца славянофильского учения. Сложность и нетипичность этой ситуации психологически весьма удачно показаны Теслей (с. 175–178).

Вероятно, если бы основы славянофильства воспринимались Аксаковым более органично, хотя бы как Самариным или Кошелёвым, ему гораздо легче было бы издавать «День», постоянно преодолевая цензурные препятствия, и, стряхнув с себя этот груз, он не испытывал бы такого облегчения (с. 200–206). Опубликованные Теслей письма Аксакова к А.Ф. Тютчевой в последние месяцы перед их бракосочетанием (конец 1865 – начало 1866 г.) производят особенно тягостное впечатление. Кажется, доверять бумаге такое количество бытовых деталей и пошлостей, перемежающихся нудным чтением морали своей невесте, мог только человек, для которого славянофильство и вообще любая общественная деятельность являлись навязанным бременем, а не естественной потребностью.

³⁶ О характере аксаковской религиозности см. также: *Фетисенко О.Л.* К. Леонтьев и Ив. Аксаков о двух типах христианства // *Русская литература*. 2008. № 3. С. 129–140; *она же*. Реконструкция одного спора: К. Леонтьев и Ив. Аксаков о митрополите Филарете (Дроздове) // *Филаретовский альманах*. Вып. 4. М., 2008. С. 184–203; *Медоваров М.В.* А.А. Киреев в церковных спорах начала XX века: богословский модернизм против «народной религиозности» // *Государство, общество, Церковь в истории России XX века. Материалы XI Международной научной конференции*. Ч. 1. Иваново, 2012. С. 472–479.

Пытаясь насильственно изменить себя и свой религиозный тип, Аксаков после 1860 г. старался каждое своё суждение о церковной жизни сверять с тем, что писали старшие славянофилы. Тонко анализируя сущность религиозного модернизма, отчётливо отразившегося и во взглядах славянофилов, Тесля справедливо увязывает распространение морализма в сочетании с критическим (а подчас и явно негативным) отношением к сложившимся формам и многовековой практике Церкви как к «историческим наростам», которым противопоставлялись фундаменталистски идеализированные «первые века христианства», с изменением самого понятия о конфессиональной принадлежности в обществе (с. 393–399). Если вплоть до конца XVIII в. и в Европе, и в России для формального причисления к тому или иному вероисповеданию «требовалось соблюдать положенные ритуалы и воздерживаться от публичного отрицания некоторого набора утверждений», то к середине XIX в. всё чаще говорилось о необходимости «личного выбора» и «сознательности веры» (с. 400–402). В популяризации подобных убеждений (фактически – «протестантского уклона», по словам Тесля) славянофилы, включая Ивана Аксакова, сыграли немаловажную роль, на что первым обратил внимание ещё К.Н. Леонтьев.

Однако за время вынужденного общественного молчания в 1868–1875 гг. Аксаков, судя по всему, значительно изменился внутренне, стал гораздо терпимее относиться к представителям других консервативных течений в общественной жизни России и к иным проявлениям религиозности. Это и позволило ему во второй половине 1870-х гг. наряду с М.Н. Катковым и Ф.М. Достоевским, которым он противостоял в начале 1860-х гг., подняться до уровня «все-народного трибуна». Если прежде его печатное и устное слово нередко звучало желчно и крикливо, то теперь он высказывался почти всегда твёрдо, уверенно, с глубоким сознанием собственной правоты и достоинства (с. 610–614). Несмотря на отсутствие ярких успехов, к концу жизни Аксаков не только не озлобился, но и стал мягче относиться к людям, «при одновременном сохранении жёсткости общественной» (с. 618). Возможно, именно частичный отказ от бывшего морального максимализма и позволил ему закрепить за собой единственную в своём роде роль «голоса коренной России». Нехотя приняв в своё время нелёгкую ношу «наследства от отцов», Аксаков сумел не только не растерять его, но и передать следующему поколению поздних славянофилов конца XIX – начала XX в. Быть такой переходной фигурой – дело чрезвычайно тяжёлое и неблагодарное, но при всех, казалось бы, изначально неблагоприятных данных, И.С. Аксаков смог выполнить свой долг до конца. И, пожалуй, ранее ни в одной книге эти черты его личности и сложной судьбы не были выявлены с такой полнотой и убедительностью, как в новом труде А.А. Тесля. Остаётся пожелать только продолжения данного исследования и, например, создания первой монографии о К.С. Аксакове.

Александр Репников: *Делай, что должен*

Alexander Repnikov (Russian State Archive of Socio-Political History; Russian University of Theatre Arts): You should do what you must

В советское время, когда информацию о К.Н. Леонтьеве или Н.Я. Данилевском приходилось буквально собирать по крупицам, славянофилам повезло больше. Пусть и с известными оговорками, но они попали даже в школьные и вузовские учебники. А работы С.С. Дмитриева, Е.А. Дудзинской, Б.Ф. Егорова, В.А. Китаева, В.А. Кошелева, Т.Ф. Пирожковой, Н.И. Цимбаева и др. ста-